

* * *

Я — Дар Божий, я дай Боже нацарапаю,
Улыбнутся вѣтлы: на царя, поди?

И заплещут — берег наш любимый,
И за плечи белые обнимут.
Скоро тёплый ливень красных губ —
Подставляй лицо, гори под струями
И твори, лепи себя, как в студии —
Скоро-скоро тёплый ливень губ.
Скоро, одиночеством запятнанный,
Я уйду от мерок и морок
Слушать зарифмованными пятками
Тихие трагедии дорог,
Замирать и бить в ладоши с гусем,
Ждать, когда же, наконец, от горя
Пастухи, беременные Русью,
Стадо слов к моим устам погонят.

1963

* * *

Я беру кривоногое лето коня,
Как горбушку беру, только кончится вздох.
Белый пруд твоих рук очень хочет меня,
Ну а вечер и Бог, ну а вечер и Бог?

Знаю я, что меня берегут на потом,
И в прихожих, где чахло целуются свечи,
Оставляют меня гениальным пальто,
Выгребая всю мелочь, которую не в чем.

Я стою посреди анекдотов и ласк,
Только окрик слетит, только ревность притухнет,
Серый конь моих глаз, серый конь моих глаз,
Кто-то влюбится в вас и овёс напридумает.

Только ты им не верь и не трогай с крыльца
В тихий, траурный дворик «люблю»,
Ведь на медные деньги чужого лица
Даже грусть я себе не куплю.

Осыпаются руки, идут по домам,
Низкорослые песни поют.
Люди сходят с ума, люди сходят с ума,
Но коней за собой не ведут.

Снова лес обо мне, называет купцом,
Говорит, что смешон и скуласт.
Но стоит, как свеча, над убитым лицом
Серый конь, серый конь моих глаз.

Я беру кривоногое лето коня...
Как он плох, как он плох, как он плох,
Белый пруд твоих рук не желает понять...
Ну а Бог?

Ну а Бог?

Ну а Бог?

Осень 1964

МОЛИТВА

Моя звезда, не тай, не тай,
Моя звезда — мы веселимся,
Моя звезда, не дай, не дай
Напиться или застрелиться.
Как хорошо, что мы вдвоём,
Как хорошо, что мы горбаты
Пред Богом, а перед царём
Как хорошо, что мы крылаты.
Нас скосят, но не за царя,
За чьи-то старые молебны,
Когда, ресницы опаля,
За пазуху летит комета.
Моя звезда, не тай, не тай,
Не будь кометой той задета
Лишь потому, что сотню тайн
Хранят закаты и рассветы.
Мы под одною кофтой ждём

Нерукотворного причастья
И задыхаемся копьём,
Когда дожди идут не часто.
Моя звезда — моя глава,
Любовница, когда на плахе
Я знаю смертные рубахи,
Крахмаленные рукава.
И всё равно, и всё равно,
Ад пережив тугими нервами,
Да здравствует твоё вино,
Что льётся в половине первого.
Да здравствуют твои глаза,
Твои цветы полупечальные,
Да здравствует слепой азарт
Смеяться счастьем за плечами.
Моя звезда, не тай, не тай,
Мы нашумели, как гостиница,
И если не напишем — Рай,
Нам это Богом не простится.

1965

ПАЛИТРА СКОРБИ

Я провёл свою юность по сумасшедшим домам,
где меня не смогли удавить, разрубить пополам,
где меня не смогли удивить... ну а значит, мадам,
я на мёртвой бумаге живые слова не продам.

И не вылечит тень на горе, и не высветлит храм,
на пергамент старушечьих щёк оплывает свеча...
Я не верю цветам, продающим себя, ни на грамм,
как не верят в пощаду холодные губы меча!

12-13.XI.1971

Я тебя забываю...
Забываю тебя!
Словно в гроб забываю
жёлтый труп ноября.
Ничего я не знаю,
да и знать не хочу,
я тебя задуваю —
золотую свечу!
И навек ли, не знаешь?
Эта осень в красе...
Ты во мне умираешь!
Умираешь совсем.
А душа моя — бойня
злых и сочных обид,
и впервые так больно
от горячих молитв!..

конец 1976 или начало 1977

СТИХИ К МУЗЕ

Я найду тебя за тридевять земель,
Отыщу на дне колодца и реки.
Я построю твоей славе — мавзолей,
Накормлю тебя, как голубя, — с руки.

Белым пламенем объят твой белый сад,
Словно каменный приду к тебе на суд,
Твои губы то — нектар, то — сладкий яд
По душе моей безумной разнесут.

И ни спать теперь, ни плакать не могу.
Разучился пить вино я, и давно.
Я тебя — как свечку Богу берегу.
Изменить тебе навеки не дано!

Ты погибель! Но и верный, ясный свет.
Я иду на твой невидимый костёр.
Как же тяжко твой безумно-лёгкий след
Мои крылья неживые распростёр.

Муза! Муза! Чар твоих не пронеси,
Третий раз один и тот же снится сон —
Я — Царь-колокол, да, видно, на Руси
Не поднять меня, а вот уж был бы звон!..

1-2 ноября 1981

РАСПЯТИЕ С ЭМАЛЬЮ

Когда-нибудь настанет время, и кисть вашего сквера
украсят мои потомки, как редкий браслет!
Они будут прекрасны, как рассыпавшиеся на бегу бусы.

Когда-нибудь развалины твоего дома
отнесут к моему архиву.
Когда-нибудь при одних глазах и при наличии грусти
ты выгонишь мужа, почувствовав мою усталость — там.
А румянец перечеркнёт диктант и улыбнётся: ведь я — тут!

Когда-нибудь на перекрёстке трёх дорог,
как подбитая ласточка, забьётся автомашина,
а шофер будет браниться, как шлюха,
наехав на могилы детей наших.

Когда-нибудь на этой земле потеряется кладбище,
на котором я буду зарыт.
Потеряется — как единственный адрес в спокойствии.
Гвоздики будут мяться, тереть ноги и не знать — куда же идти?

Когда-нибудь набережную, на которой я родился,
будут охранять перистые облака моих насмешек
и колокольный звон пощёчин.

Когда-нибудь с моим именем будут склеивать
международные скандалы и отменять смертные казни.

Когда-нибудь все мальчишки России
зарастут моими стихами так,
что махнут на них рукой все цирюльники!

Когда-нибудь все «погоны» будут охотиться за пацаном,
который бегаёт в моём музейном свитере
и уже запер мать, которая его выстирала.

Когда-нибудь отвезут за город
мою последнюю чернильницу и... взорвут,
чтобы никакой грач не мог макать в неё свой хвост.

Когда-нибудь пойдёт дождь, дождь, дождь...
который смоеет Москву, в которой я родился.
А все птицы будут садиться на топор,
как на Ноев ковчег России.

Когда-нибудь настанет время!..

Когда настанет?..

* * *

Живём в печали и веселье,
Живём у Бога на виду:
В петле качается Есенин,
И Мандельштам лежит на льду.
А мы рассказываем сказки,
И, замаскировав слезу,
Опять сосновые салазки
Куда-то Пушкина везут.
Не пахнет мясом ли палёным
От наших ветреных романов?
И я за кровью Гумилёва
Иду с потресканным стаканом.

В моём лице записки пленника
И старый яд слепой тоски.
В гробу рифмуют кости Хлебникова
Лукавых строчек колоски.
Но от Москвы и до Аляски,
Когда поэты погибают,
Ещё слышнее ваши пляски,
Ещё сытнее стол с грибами.

★ ★ ★

Я дам тебе сегодня голубей
и угощу тебя вишнёвым соком.
Но ты упряма, нет тебя верней —
звезде печальной и звезде далёкой.

Откланиваясь бархатным плащом,
берёшь ты шляпу в лебединых перьях
и тихо говоришь — что я прощён,
а я не верю, слышишь, я не верю!

Узорчатое красное окно
открыто, и два голубя сомкнулись,
и крылья их в весёлое вино
моей зари невольно окунулись.

Как хорошо им в небе голубом
кружить и на лету лишь целоваться —
как две души, познавшие любовь, —
им ничего на свете не бояться.

Вот так же я, отвержен и угрюм,
глядел, как разбивали мне корону,
но всё равно я прокричал — люблю! —
и сам поцеловал топор холодный.

Венец из лавра будет мне к лицу,
как красная рубаха злому кату.

Я дань несу Небесному Отцу —
свои стихи в серебряных окладах.

И рядом я не вижу никого,
кто бы принёс ещё хотя бы слово,
а ты — луч солнца в царстве вековом
моей души, где яблони и совы.

О, Муза! Полевые мы цветы,
кто пьёт с нас, тому сладко, сладко, сладко...
И в этот миг молитвою святых
у сердца зажигается лампадка!

ЭКСПРОМТ НА БЕЛОМ

Я слышу золотое поле,
я вижу Ангельскую волю
и смерть свою, и Божий стыд.
Погибли, значит, не напрасно
мечты в жилетах чёрно-красных,
и лоб монастыря остыл.
Но почему бегут гвоздики,
и на губах у них одно:
не уходите, погостите,
вот вам на белое вино.
Хозяйка браво-молодая,
на травке браунинг притих,
и, слёзы радости глотая,
гроза на губы их летит.

Всю ночь заламываю руки
и, как актёр, забывший роль,
всё повторяю: что вам, суки,
в комедии полуживой?!

* * *

Дьявол, дьявол, не заботься обо мне,
Дьявол, дьявол, мои яблоки в вине.
Дьявол, дьявол, мои губы у свечи,
Дьявол, дьявол, мои щёки горячи.
И болезненная жадность той страны,
Где по лесенкам бледнеют стукачи,
Продают автопортреты сатаны,
Все стихи мои на память заучив.